

ДИРЕКТОР АВТОБАЗЫ

1988

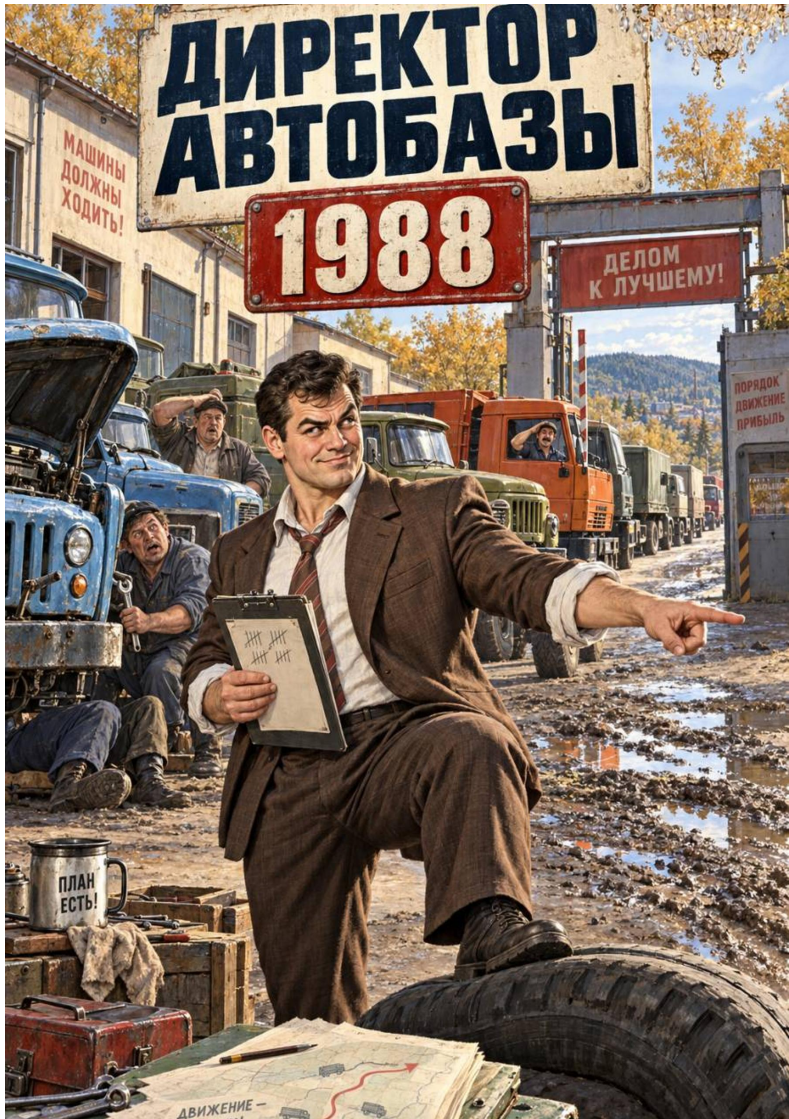
ДЕЛОМ
К ЛУЧШЕМУ!

ПОРЯДОК
ДВИЖЕНИЯ
ПРИБЫЛЬ

МАШИНЫ
ДОЛЖНЫ
ХОДИТЬ!

ПЛАН
ЕСТЬ!

ДВИЖЕНИЕ —

Павел Смолин

Директор автобазы 1988

<https://litres.ru/74434659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Павел Серегин строил логистическую империю сорок лет. Люстра разрушила её за три секунды.

Теперь на дворе 1988 год, Павлу снова тридцать пять, а вместо собственного бизнеса у него автобаза 7: восемьдесят четыре грузовика, половина из которых ездит преимущественно по документам.

Шины пропали. Запчасти уже кому-то выдали. Нужные люди привыкли получать машины без очереди. Водители считают нового директора временным недоразумением, а начальство ждёт красивого отчёта и выполнения плана.

Зря ждут.

Павел уже однажды начинал с баранки. Он помнит, где потерял деньги, кому доверять нельзя и во что скоро превратится страна. Осталось навести порядок в хозяйстве, не угробить семью во второй раз — и к 1992 году прибрать к рукам перевозки всей области.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Павел Смолин

Директор автобазы 1988

Глава 1

Люстра обошлась мне в восемьсот сорок тысяч рублей. За монтаж взяли отдельно.

Когда она оторвалась от потолка, я успел подумать, что за монтаж надо было спросить строже.

— Ты чего на полу?

Я открыл глаза.

Прямо перед носом лежал коричневый тапок. Из тапка торчала женская пятка, ещё дальше начинался синий халат.

Я помнил этот халат.

— Паша, ты меня слышишь?

Слышал я прекрасно. Даже слишком. Из кухни доносилось шипение сковородки, за стеной журчала вода, а где-то под окном человек мучил стартер. Крутил долго, без передышки. Сейчас посадит аккумулятор, придурок.

Женщина присела.

Я посмотрел ей в лицо.

— Валя?

— Нет, Людмила Зыкина. Ты упал?

У неё были молодые глаза. Не просто лицо без морщин — глаза. Серые, сердитые, без той осторожности, с которой она в последние годы смотрела, когда я поднимался по лестнице.

Я протянул руку, взял её за запястье.

— Что? — Она сразу перестала сердиться. — Сердце?

Я лежал на узкой полоске между кроватью и стеной. Под щекой отпечатался рубчик паласа. На кровати сбилась простыня, из пододеяльника вылез угол полосатого одеяла.

Валя положила ладонь мне на лоб.

Я закрыл глаза.

Её похоронили в ноябре. Был мокрый снег, и кладбищенский работник всё пытался раскрыть надо мной зонт. Я велел ему отойти. Он отошёл, а потом снова подошёл, уже молча.

— Паша!

— Подожди.

— Чего подожди? Встать можешь?

Я сел.

Легко.

Не опираясь локтем на кровать, не подтягивая под себя ногу, не пережидая, пока отпустит поясницу. Просто сел, как садятся люди, которым совершенно нечего сообщить своему кардиологу.

Посмотрел на руки.

На правой, между большим и указательным пальцами, белел кривой шрам. Получил, когда менял крестовину на пять-

десять первом газоне. Руки были мои. Только костяшки ещё не распухли, а бурых пятен не было вовсе.

— Сколько мне лет?

Валя побледнела.

Вопрос я задал неудачный.

— Так. Ложись. Я скорую вызову.

— Не надо скорую. Сон дурной.

— Какой ещё сон? Ты у меня спрашиваешь, сколько тебе лет!

Из коридора высунулась вихрастая голова.

— Мам, там масло стреляет.

Сын.

Маленький. В майке, которая перекосилась на плече. Стоит босиком, чешет живот и смотрит на меня с любопытством.

В последний раз мы с ним разговаривали во вторник. Он объяснял, почему компании необходим ещё один заместитель генерального директора. Заместителем предлагался человек, которого я не пустил бы даже заведовать шинным складом.

— Убавь газ, — сказала Валя.

— Насколько?

— Я сама!

Она поднялась, но я не отпустил её руку.

— Паша, ну что?

Я потянул её к себе и обнял. Лицом уткнулся в халат. Пах-

ло мылом, жареным луком и ею.

— Ты чего? — спросила она тише.

— Соскучился.

— Вчера виделись.

— Знаю.

Она потрогала мой затылок.

— Ударился всё-таки?

На кухне стоял отрывной календарь.

Двенадцатое сентября. Понедельник. Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год.

Я успел его прочитывать три раза, пока Валя ставила передо мной тарелку.

Жареная картошка. Два яйца. Хлеб, отрезанный от круглой буханки.

— Ешь. И на работу позвони, что задержишься.

— Не задержусь.

— Конечно. Автобаза без тебя пропадёт.

Я поднял на неё глаза.

Вот теперь вспомнил.

В пятницу меня представили коллективу. Новый директор. Молодой, деятельный, из своих, прошёл путь от водителя. Хлопали недолго. Бывший директор руку пожал, ключи от сейфа отдал, а смотреть почему-то старался мимо.

Тогда я принял это за обиду.

Теперь, сидя над картошкой, я начал припоминать, что именно обнаружил в том сейфе. И сколько потом ушло времени, чтобы разобраться с наследством.

— Чего не ешь?

Я взял вилку.

Первый кусок оказался горячим. Обжёг язык, задышал ртом.

Валя подвинула кружку.

— Маленький, что ли?

Я рассмеялся. С полным ртом, совершенно по-дурацки.

Она посмотрела подозрительно, но села напротив.

За окном наконец схватил двигатель. Взревел, зачихал и заглох.

Этот хотя бы завёлся.

У меня на автобазе, если память не врал, к сегодняшнему утру должны были числиться исправными шестьдесят три машины.

В рейс выйдут сорок одна.

И вот теперь мне очень хотелось посмотреть в глаза человеку, который подпишет утреннюю сводку.

Из комнаты вышла дочь с зайцем под мышкой. На ней была длинная рубашка, а носок болтался на пальцах одной ноги.

Я усадил её к себе на колени, натянул носок. Оля привычно устроилась и ткнула зайца носом в край стола.

Шесть лет. Значит, Мише двенадцать. Мне тридцать пять.

Вале тридцать три.

Я мог бы сейчас захохотать так, что Валя всё-таки вызвала бы скорую. Вместо этого спросил, кормили ли зайца.

— Он не ест картошку.

— Правильно делает, — сказал Миша. — Ему не оставят.

Валя протиснулась между мной и холодильником. Я провёл ладонью по её боку.

— Руки жирные!

— Извини.

— Господи, что с тобой сегодня.

Я не знал, что со мной сегодня. Но выяснять это, пугая семью, не собирался.

В ванной пришлось задержаться.

Мужик в зеркале был знакомый. Тёмные волосы, усы, шея без складок. Я наклонился ближе, оттянул нижнюю губу. Зубы свои. Пломба слева тоже своя, с ней я проходил ещё лет восемь.

Я умылся холодной водой. Потом ещё раз. За дверью возмущалась дочь: папа занимал ванную слишком долго.

Пиджак висел на плечиках в шкафу. В нагрудном кармане лежала расчёска, во внутреннем — удостоверение. Серегин Павел Николаевич. Я провёл большим пальцем по фотографии.

Шофёр, бригадир, механик, начальник эксплуатации. Здесь я всё это уже успел. А впереди оставались долги, первые собственные машины и партнёр, которого следовало

гнать в шею при знакомстве.

Теперь времени должно было понадобится меньше.

— Ты Олю отведёшь? — спросила Валя.

Я посмотрел на часы.

— Отведу.

— А как же автобаза?

— Дойду.

Она помедлила, потом протянула мне две красные ленточки.

— Тогда поддержи. И не потеряй.

После садика я пошёл через старый сквер.

Каменогорск пах мокрой листвой и угольным дымом. На углу вместо аптеки с зелёным крестом стоял деревянный киоск. За сквером ещё не было торгового центра, а низкий дом с заколоченной дверью оказался цел. В нём мы потом держали первую контору. Зимой секретарша сидела в валенках, зато до вокзала было рукой подать.

Я остановился у ограды.

Окна выходили на железнодорожные пути. За домом темнел пустой двор. Ни стоянки, ни навесов — пока ничего.

Мимо прошла женщина с сумкой, посмотрела на меня и ускорила шаг.

Возле ворот автобазы курили двое. Один выпрямился, второй поспешно спрятал сигарету в ладонь, словно я мог

забыть, зачем люди складывают пальцы таким образом.

— Здорово, мужики.

— Здравствуйте, Павел Николаевич.

Из ворот выезжал синий ЗИЛ. Водитель придерживал дверь локтем и чего-то ждал. У будки женщина в серой кофте разговаривала по телефону, зажав трубку плечом. Свободной рукой перелистывала журнал.

Я узнал Тамару. Сразу, хотя не видел её лет пятнадцать. Над верхней губой та же родинка, только волосы не седые и плечи прямые.

— Не будет двенадцати, — сказала она в трубку. — Откуда я тебе возьму двенадцать?.. Кто обещал, у того и спроси. У меня стоит восемь.

Заметив меня, она прикрыла ладонью трубку.

— Доброе утро.

— Доброе. Договаривайте.

— Да не с кем там договаривать.

Она снова поднесла трубку к уху, и я прошёл во двор.

Мастерские находились слева, административный корпус — справа. Посередине тянулась стоянка, к дальнему забору уходили ряды машин. На мокром асфальте расплывались масляные пятна. Из открытых ворот бокса пахло сваркой.

Потом у меня на одном восточном терминале помещалось три таких базы. А ведь в тридцать пять это хозяйство казалось огромным. Кочетов в пятницу показал на двор: «Теперь ты за всё отвечаешь». Несколько лет отвечал даже за то, что

он натворил до меня.

На лестнице я встретил начальника эксплуатации.

Юрий Сазонов спускался с папкой под мышкой. Плотный, гладко выбритый, в коричневом пиджаке с кожаными пуговицами. При виде меня он развернулся прямо на ступеньке.

— А я к вам, Павел Николаевич. Думал, вы уже в кабинете.

— Сначала по двору пройдуся.

— Правильно. Хозяйским глазом. Только утреннее бы подписать.

Он вынул из папки лист и протянул мне вместе с ручкой.

Я взял только лист.

Списочных — восемьдесят четыре. Технически исправных — шестьдесят три.

Вот они.

От аккуратной шестёрки стало спокойнее, чем от календаря на кухне. Дом можно увидеть во сне. Врущая сводка Сазонова была слишком мелкой подробностью для чуда, которое я сам бы себе придумал.

— Сколько выпустили?

— Выпуск идёт.

— Сколько уже за воротами?

— У диспетчера уточним. Часть на подходе, водители получают документы.

— А двадцать две исправные чем заняты?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Почему двадцать две?

— Посмотрим, сколько выйдет. Показывайте пока готовые, которые остались.

— Павел Николаевич, исправность и выпуск — показатели разные. Люди болеют, заявки меняются...

— Я здесь начальником эксплуатации работал. Помню.

До назначения я в основном занимался колонной между заводом и районными стройками. Общую картину Кочетов показывал в удобном ему объёме. А я, молодой, стеснялся задавать слишком простые вопросы.

Мы вернулись во двор.

У ворот мастерской стоял ЗИЛ с поднятым капотом. Рядом слесарь пил из алюминиевой кружки. Сазонов повёл меня мимо, но я остановился.

— Бортовой номер?

Слесарь назвал.

Я нашёл его в приложенном списке.

— Готов?

— Почти.

— Заведи.

Слесарь посмотрел на начальника эксплуатации. Потом поставил кружку на верстак, подошёл к машине и зачем-то заглянул под капот.

— Аккумулятор сейчас поставим.

— Ставьте. Потом к выпускному механику. Следующая где?

Мы дошли до заднего ряда.

Здесь асфальт кончался. Колёса стояли в грязи, из-под кузовов торчали пучки травы. На ступеньке одного грузовика лежал размокший окурок. Другой подпирали деревянные колодки.

Возле голубого ЗИЛа Сазонов остановился.

— Этот после ремонта. Обкатка осталась.

Я посмотрел на переднее колесо, потом нагнулся к промежутку между кабиной и кузовом.

Под машиной было необычно просторно.

— А коробку вы куда обкатывать отправили?

Сазонов молчал.

Я присел ниже. Коробки передач действительно не было. Снизу торчал грязный край картера.

— Она в агрегатной, — сказал Сазонов.

— Машина тоже туда собирается?

Позади кто-то кашлянул. Я оглянулся. Слесарь с кружкой шёл следом, теперь он изучал крышу соседнего грузовика.

— Машину уберите из готовых, — сказал я. — И людей от работы не отрывайте. Чай допили — к своей.

Слесарь исчез.

Я расправил лист на крыле. Сазонов потянулся забрать его.

— Перепечатаем. Тут по пятнице сведения попали.

— В пятницу коробка стояла?

— Это у механиков надо спросить.

— Спросим. Лист пока у меня.

Я сложил его вчетверо и убрал в карман.

Главного механика мы нашли в агрегатной.

Лапин стоял у стола, на котором лежала разобранный коробка передач. Снятая крышка блестела маслом. По краю стола были разложены детали, и к одной привязали картонку с номером машины.

Я задержался в дверях.

Последний раз Виктора Егоровича я видел на открытии нового ремонтного корпуса. Уже старый, он ходил между верстаками и спрашивал, зачем нам такой дорогой пол, если на него всё равно будут ронять железо.

Сейчас он был крепкий, седой только у висков. Рабочий халат застёгнут через одну пуговицу, ворот рубашки засален.

— Доброе утро, Виктор Егорович.

— Здравствуйте.

— Давно эта коробка снята?

Он назвал число. Прошлый четверг.

— Когда поставите?

— Когда будет что ставить.

Я подошёл ближе. Он показал негодную деталь и место, где она работала. Объяснял коротко, глядя на меня, а не на Сазонова.

— Заявка есть?

— Есть.

— Копию мне. Не сейчас, после. Какие машины можно довести сегодня?

Лапин вытер руки ветошью.

— Если я скажу три, мне к вечеру пять нарисуют.

— Скажите по каждой, что нужно.

— Я в пятницу говорил.

Сазонов поправил папку под мышкой.

— Виктор Егорович, новый директор знакомится с обстановкой. Давайте без...

— Юрий, подожди.

Я взял с края стола чистый кусок картона.

— Пишем отдельно. Что можете закончить имеющимися силами. Где нужны детали. Где нет людей. Мне не надо, чтобы эта коробка за полчаса выросла обратно.

Лапин некоторое время разглядывал меня. Потом достал карандаш.

Выяснилось, что у одной машины заканчивают работу со стартером. У другой ждут слесаря для проверки сцепления. У третьей барахлит подача топлива, и водитель уже неделю просит разрешения поставить её в бокс. Были и другие, но там начинались шины, большие ремонты и отсутствующие агрегаты.

— Эти три посмотрим до обеда, — сказал Лапин. — Обещать выпуск всех не буду.

— И не обещайте. Срок осмотра есть, потом решим.

— А эту? — Сазонов кивнул на коробку.

— Эту ремонтируем как положено.

Лапин подписал на картонке номера и передал мне.

Впервые за утро у меня появился список, по которому можно было работать.

В кабинете пахло мебельной полиролью и табаком.

Под портретом Горбачёва стоял длинный стол, в углу — сейф. Я открыл его: папки, печать, старые ведомости. Вчерашнее хозяйство никуда не делось.

В нижнем ящике стола нашлась новая общая тетрадь. На обложке я написал: «Автобаза № 7». Открыл первую страницу, поставил дату.

Вошла Тамара с журналом.

— Выпуск закончили. Сорок одна.

Она положила журнал на стол и посмотрела на мой карман, из которого торчал сложенный лист.

— Юрий Александрович сказал, сводка у вас.

— У меня. Дайте фактический выпуск за прошлую неделю. По дням.

— В журнале есть.

— И заявки на завтра.

Тамара помедлила.

— На завтра отдельно или вместе с картошкой?

Я поднял голову.

— С какой картошкой?

Она раскрыла другую тетрадь. Между страниц лежал лист с карандашной пометкой.

— Совхоз «Заря». Десять машин с завтрашнего утра. Вывоз на овощную базу. Шесть самосвалов, четыре бортовых.

— Кто подтвердил?

— Николай Фомич ещё до ухода. Юрий Александрович сказал поставить. Заявка у него.

— А остальная работа?

— Как была. Строители, завод, район. На неё все сорок одна и уходят. Если с линии никто не встанет.

Я перелистнул чистую страницу.

Утром я хотел просто посмотреть в глаза человеку со сводкой. Теперь задача стала интереснее.

— Сам совхоз звонил?

— В пятницу. И сегодня уже. Я сказала, вы разбираетесь.

— Правильно сказали.

Тамара не улыбнулась.

— Павел Николаевич, десяти машин у нас нет.

Я положил рядом две бумажки. На одной значились шестьдесят три исправных автомобиля. На другой Лапин написал три номера, с которыми имело смысл возиться.

— Позовите Сазонова. Потом соедините меня с совхозом.

— Что говорить, если спросят, сколько дадим?

— Что через час я сам отвечу.

Она взяла журнал и вышла.

Я снял пиджак, повесил на спинку стула. На рукаве осталось светлое пятнышко: Оля перед садиком ела печенье и обняла меня на прощание за локоть.

Я стряхнул крошки. Пятнышко осталось.

Пусть.

Потом придвинул телефон и раскрыл тетрадь.

Глава 2

Без двадцати шесть утра я уронил ложку.

Она ударилась о край стола, звякнула об табурет и показала под холодильник. Из комнаты донёсся голос Вали:

— Весь дом подними. А то вдруг кто-нибудь ещё спит.

Я присел и достал ложку. Между холодильником и стеной нашлись карандаш, пуговица и пластмассовое колесо.

Колесо положил на подоконник. Может, хоть одна машина в этом городе вернётся в строй без моего участия.

Валя появилась в дверях, запахивая халат.

— Ты вчера во сколько пришёл?

— В половине десятого.

— Я заметила. Сегодня опять?

— Постараюсь раньше.

— Ты не старайся. Ты позвони, если удержишься. Я котлеты три раза грела.

— Позвоню.

Она поправила мне галстук. От волос пахло чем-то простым, давно забытым. Я закрыл глаза.

— Только не засыпай на мне. Тяжёлый.

Сонливости не было. Я проспал меньше шести часов и чувствовал себя прекрасно.

Вчера вечером, когда я раздевался, Миша спросил, не могу ли посмотреть его велосипед. Я ответил: «На неделе».

— Велосипед завтра вечером посмотрю, — сказал я.

— Ему скажи, — ответила Валя. — И шарф возьми.

Утром холодно.

Лапин уже был на базе.

Он стоял у открытого бокса с кружкой. Из-под газона высовывались ноги в сапогах.

— Здравствуйте, Виктор Егорович.

— Здравствуйте. Рано вы.

— Вы тоже.

— Я тут ночевать не собираюсь, вот и пришёл.

Я остановился рядом.

Из трёх вчерашних кандидатов ближе всех к выходу оказался ЗИЛ, на котором доделали стартер. Газон прошёл ремонт сцепления, но Лапин хотел проверить его утром. С самосвалом ещё возились.

— Что там?

— По топливу. Вчера вроде убрали, сегодня снова не нравится.

— Надолго?

— Сейчас посмотрим.

Он произнёс это таким тоном, словно я уже стоял над душой второй час.

— Я в диспетчерской буду. Как решите — скажите.

Лапин повернулся ко мне.

— Не подгоните?

— Вы сможете выпустить быстрее?

— Нет.

— Тогда зачем?

Под машиной звякнуло железо. Лапин поставил кружку на подоконник и пошёл в бокс.

В диспетчерской было жарко. Тамара сидела между телефоном и стопкой путевых листов. На стене висели часы, отстававшие на семь минут. Вчера я это заметил и теперь машинально всякий раз прибавлял.

На свободном краю стола лежал мой лист, разлинованный от руки.

Десять строк. Шесть самосвалов, четыре бортовых.

Вчера выяснилось, что Сазонов считал свободными машины, занятые на других работах. Кочетову требовалось пообещать совхозу транспорт, и начальник эксплуатации нашёл его на бумаге.

Я позвонил директору «Зари». Тот начал с того, что картошка на поле ждать не будет.

Зато выяснилось, что к семи утра ему нужны не все десять машин. Один участок начинал вывоз сразу, второй — после девяти. На овощной базе принимали с восьмью, а крайнее поле совхоза находилось от города почти в часе езды.

— Так они же у меня у ворот встанут, — сказал я.

— Пусть стоят. Зато приехали.

— Мне надо, чтобы они возили.

Директор согласился принять транспорт двумя группами: пять машин к началу работы, остальные до десяти. Я записал телефоны совхоза и овощной базы; с полем связывались через контору отделения.

Потом пришлось разбираться, откуда брать десять грузовиков.

За стеклом возникло широкое лицо Семёна Бурова. Он заглянул внутрь, открыл дверь и снял кепку.

— Доброе утро. Что за перестановки?

Семёну ещё не было пятидесяти. Потом, уже на пенсии, он так же мял кепку и ругался тем же густым голосом.

— В совхоз едете, — сказал я. — С первой группой.

— Вижу. Вчера на стройку стоял.

— На стройке разгрузку сдвинули. Шесть машин оттуда сегодня пойдут в «Зарю».

— Здорово. Мы опять крайние.

Тамара взяла очередной путевой лист, но писать не стала.

— В чём крайние?

— Там по городу ходить. А тут по полям. По городу я три рейса сделаю, там два, если повезёт. Дорога какая — вы знаете. Стоять где буду — не знаете.

Я подвинул ему лист.

— Вот время погрузки. Вот приёмка в городе. Вчера договорился.

— Телефон у вас всё терпит.

— Поэтому вы и едете первым. Посмотрите на месте. Ес-

ли вместо обещанного будете стоять, позвоните из конторы. Номер записан.

Буров листа не взял.

— А мне за это что?

Он говорил спокойно. Выяснял, сколько сегодня зарабатывает и кому объяснять вечером, почему получилось меньше.

— Тамара, прошлые путёвки по совхозу есть?

— Есть.

Она достала папку из нижнего ящика.

Мы разложили листы на столе. Погрузка, приёмка, время возвращения. В двух рейсах между прибытием на овощную базу и разгрузкой лежало почти три часа. В одном никаких отметок об ожидании не было вовсе.

— Это как? — спросил я.

— Это вот так, — ответил Буров. — Мне кладовщик говорит: некогда ставить, машины мешают. Я там час с лишним торчу. Потом еду сюда, а у меня всё красиво.

— Сегодня время отмечать. Не ставят — звоните Тамаре при первой возможности. Она связывается с приёмкой. Не вечером, когда все домой ушли.

— И деньги?

— Расценки и порядок оплаты с бухгалтерией поднимем. Сейчас прибавку с потолка обещать не буду. Но три часа чужой очереди на вас вешать тоже не собираюсь.

Буров потёр подбородок.

— Нам обычно говорят: план делайте, потом разберёмся.

— А разбираются?

— Конечно. Почему план не сделали.

Тамара фыркнула.

Я повернул к нему лист с телефонами.

— Вот это я могу сделать сегодня. И уже сделал. Далее посмотрим по вашим рейсам.

Он наконец взял бумагу, прочитал и сложил в карман.

— Ладно. Попробуем вашу приёмку.

В дверях появился Сазонов, свежий, аккуратный, с той же папкой.

— Извиняюсь, дома задержали. Семён, ты чего здесь стоишь? Выпуск же.

— С директором разговариваю.

— Получай документы и поехал. На линии поговорите.

Буров посмотрел на меня.

— На линии вы где будете? Чтобы не разминуться.

— По телефону найдёте.

Он надел кепку и вышел.

К половине восьмого я уже замёрз.

Шарф так и не взял. Пришлось поднять воротник и ходить вдоль выпускного поста.

Машины двигались по одной. Выпускной механик осматривал их, возвращался к столу, делал отметку. Водители переговаривались через открытые окна.

Первая пятёрка для совхоза ушла вовремя. Тамара отобрала четыре самосвала и один бортовой из тех, что раньше стояли на строительные заявки. Оттуда же позже должен был уйти ещё один самосвал. Три ремонтных грузовика — самосвал и два бортовых — пока задерживались. Даже с ними получалось девять.

Следующим к посту подъехал газон, назначенный на завод под трубы.

Водитель, молодой, остроносый, заметил меня и сделал вид, что у него заело что-то под сиденьем. Наклонился так низко, что из кабины был виден один затылок.

— Это на трубы? — спросил я.

Тамара кивнула.

— Задание покажите.

Водитель вылез. Лист он протянул с выражением человека, у которого отнимают законный выходной.

Трубы требовалось перевезти с одного заводского склада на другой. Два рейса. По бумаге машина заказывалась на весь день.

— Вчера звонили? — спросил я Тамару.

— Сказали, заявка действительная.

— Кто сказал?

— Секретарь.

Я вернул документ водителю.

— В сторону отъезды. Пять минут.

— Я ж по графику.

— Сколько вчера там стояли?

— Как положено.

— По графику?

Он осторожно улыбнулся.

— Павел Николаевич, мне куда велели, я туда и приехал.

— Пока сюда приехали. Подождите.

Я вошёл в диспетчерскую. Заводской номер пришлось набирать дважды. Потом меня соединяли со складом, потом искали мастера.

Наконец в трубке возник раздражённый мужчина.

— Что ещё? Машина пришла?

— Сейчас будет. Трубы готовы?

— Какие трубы?

Я прочитал заявку.

— А. Так их сегодня не повезём. Кран занят.

— На весь день?

— До обеда точно.

— А машину зачем подтвердили?

— У меня что спросили? Нужна машина? Нужна. Нам эти трубы всё равно перетаскивать.

— Завтра к десяти груз приготовите?

— Завтра... Сейчас.

Он положил трубку на стол. Я слышал, как он с кем-то спорит. За моей спиной Сазонов объяснял водителю, что задержка временная.

Мастер вернулся.

— К десяти можно. Только чтобы приехали. А то вы сейчас снимете, потом ищи.

— Завтра к десяти будет. Сегодня заявку меняем. Тамара с вами ещё раз свяжется, время запишет.

Я назвал фамилию, должность и подождал, пока он запишет.

Когда вышел, водитель уже не улыбался.

— В совхоз пойдёте, — сказал я. — Десятой машиной. Документы переоформят.

— А трубы?

— Завтра. Сегодня кран занят.

— Он там всегда занят.

Водитель замолчал. Эту заявку следовало потом посмотреть повнимательнее.

Сазонов дождался, пока водитель уйдёт к окошку.

— Павел Николаевич, так мы весь выпуск сорвём. Каждую бумагу обзванивать?

— Ту, по которой машина весь день будет стоять, — да.

— Завод потом претензию выставит.

— Поэтому согласовали перенос. Вы слышали.

Сазонов раскрыл папку. Я пошёл обратно к воротам.

Сорок первая машина остановилась у будки. Механик сделал последнюю отметку, водитель забрал лист и уехал.

Та самая сорок одна. Только сегодня семь из них уже работали на картошку: шесть, снятых со стройки, и газон, который собирался ждать чужой кран.

Сазонов подошёл сзади.

— Ну вот. Выпустили.

— Осталось три.

— Если механики успеют.

— Пойдёмте узнаем.

У бокса Лапин ругался с человеком в промасленной куртке.

— Я тебе сказал, сначала проверить!

— Да чего там проверять, он вчера своим ходом...

— Вчера я своими ногами домой ушёл. Ты меня на этом основании в рейс выпустишь?

Человек оглянулся на меня и замолчал.

Готовый ЗИЛ стоял у ворот. Мотор работал ровно. Газон выезжал из бокса, а самосвал оставался на месте с открытым капотом.

— Этот можно? — я показал на ЗИЛ.

— После контроля. Газон тоже к механику. Самосвал пока нет.

Я посмотрел на часы.

Без двадцати девять.

— Что нашли?

— С питанием разобрались. Сейчас гоняем, смотрим. Водитель бы ещё не мешал.

Человек в промасленной куртке вскинул голову.

— А я чего? Мне ехать надо.

— Так и мне надо, чтобы ты уехал, — сказал Лапин. — Только насовсем, до вечера.

Оба бортовых отправили в совхоз. Теперь не хватало только последнего самосвала.

Я стоял и смотрел на поднятый капот.

Очень хотелось спросить, сколько ещё.

Я спросил другое:

— Если этот не выйдет, что можем дать взамен?

Лапин вытер шею ладонью.

— Из исправного — ничего лишнего. Из остального за полчаса не соберу.

— Из стоящего что ближе?

Он отвёл меня к самосвалу в дальнем ряду. Задние шины не порадовали. Лапин присел, показал повреждение сбоку.

— Не пойдёт, — сказал я.

— Зато в готовых.

— Уже нет.

Он поднялся.

— Вы надолго такой порядок?

— Какой?

— Чтоб не выпускать, когда нельзя.

— Вам хочется выпустить?

— Мне хочется, чтобы потом не спрашивали, почему мало.

На лице Лапина было раздражение: этот разговор он вёл

много раз.

— Спрашивать буду, — сказал я. — Почему стоит, чего не хватает, когда заявку подали. Но на этих шинах не поедет. Хотите, вместе подпишем, что не поедет.

— Моей подписи хватит.

— Тогда пойдёмте. Нам нужен тот, у бокса.

Пока шли, Лапин рассказал, сколько людей сегодня в ремонте. Один заболел, второй занят большой работой, которую нельзя бросить посередине, третьего Сазонов вчера отправил разгружать привезённое железо.

— Слесаря?

— А кого? Он молодой.

Я нашёл Сазонова у административного корпуса.

— Человека из ремонта куда отправили?

— На склад. Там помощь нужна.

— Сейчас где?

— Там и есть, наверное.

— Верните Лапину. Если требуется разгрузка — отдельно решим кем. Сегодня нам нужен выпуск.

— У нас люди везде нужны.

— Поэтому слесарь будет слесарем.

Через несколько минут молодой парень пробежал к боксу. Лапин дал ему короткое поручение и повернулся к водителю самосвала.

Я остался на улице.

Хотелось залезть под капот, потрогать, проверить. Но чет-

вёртый человек вокруг одной неисправности мог только мешать.

Из окна диспетчерской высунулась Тамара.

— Павел Николаевич! Буров звонит!

Я вошёл, взял трубку.

— Ну?

— Ну, погрузились, — сказал Буров. — Здесь нормально. Приёмку вашу сейчас проверим.

— Сколько на погрузку ушло?

Он назвал время. Я записал.

Я положил трубку.

Из бокса донёсся звук мотора. Мы оба повернулись к окну.

Самосвал прошёл контроль в девять десять.

До отделения совхоза ему оставалось около сорока минут. Тамара позвонила предупредить, я стоял рядом и слушал, как она повторяет бортовой номер и фамилию водителя.

Водитель полез в кабину.

— До вечера! — крикнул ему Лапин.

— Я постараюсь!

— Ты до вечера приедь, а до обеда не надо!

Самосвал выкатился за ворота. Я посмотрел на часы. Тамара вышла на крыльцо с листом.

— Сорок четыре.

— Все ушли?

— Все. Десять на «Зарю». По остальным переставили, как договаривались. Завод на завтра записала.

Я взял лист.

Сорок четыре. Три машины разницы, зато теперь я знал, откуда взялась каждая.

Сазонов стоял рядом. Он тоже смотрел на сводку.

— Теперь область спросит, почему исправных меньше, чем в пятницу.

— Дайте телефон, отвечу.

— Это не по телефону. Показатель падает.

— Машин вышло больше.

Он помолчал.

— В общий отчёт что ставить?

— Что проверили. С Лапиным сверите готовность, с Тамарой выпуск. Причины простоя отдельно.

Я подписал фактическую сводку и вернул Тамаре. Копию попросил оставить мне.

К обеду Буров позвонил ещё раз. Овощная база приняла первую партию быстро. Второй машине пришлось ждать, но недолго. Он изложил это без похвалы, деловым голосом, словно так и должно было быть всегда.

— Значит, второй рейс делаете?

— Делаем. Если опять ворота не закроют.

— Закроют — звоните.

— У вас телефон не сгорит?

— Пусть попробует.

Положив трубку, я впервые за утро почувствовал голод.

В столовой взял суп, котлету с пюре и компот. Снял пиджак: локоть испачкан.

Лапин проходил мимо с подносом.

— Здесь садитесь, — сказал я.

Он сел напротив.

Минуту мы ели молча.

— По шинам заявку принесите, — попросил я. — И по коробке.

— После обеда.

— Вы только бумагу мне красивую не поручайте. У меня сегодня ещё две машины с линии придут, водители предупреждали.

— Мне ваши обычные заявки подойдут.

Лапин посмотрел на опустевшую стоянку.

— А с разгрузки человека правильно вернули, — сказал он.

И принялся за суп.

Вечером я позвонил домой без десяти шесть.

— Буду через час, — сказал я.

— Что-то случилось?

— Ты просила звонить.

— А. Ну да. Колесо твоё Мишка приделал. Теперь машин-

ка по всему коридору ездит. Я чуть не упала.

Я улыбнулся в трубку.

До ухода ещё требовалось дождаться последних сведений по совхозу. Тамара собирала возвраты, проверяла отметки, спорила с одним водителем о времени. Я поднял старые заявки Лапина. На каждой находились дата и подпись, но путь детали от этой подписи до машины оставался загадочным.

Стукнули в открытую дверь.

Буров стоял на пороге с кепкой в руке. Сапоги в подсохшей грязи, лицо красное от ветра.

— Заняты?

— Заходите.

Он не сел.

— Два рейса успели. На второй разгрузке подержали, но отметку поставили. Тамара знает.

— Завтра так же пойдёт?

— Если погрузку раньше начнут, лучше будет.

— Передам.

Он помял кепку.

— По деньгам всё-таки посмотрите.

— Посмотрю. С путёвками и бухгалтерией. К пятнице скажу, что получается.

— Ладно.

Буров уже развернулся, но задержался.

— На овощной базе удивляются, что вы второй раз позволили проверить.

— Придётся привыкать.

— Я им тоже так сказал.

Он ушёл, а я записал на пятницу: «Совхоз. Выработка, ожидание, оплата». Закрыв тетрадь и надел пиджак.

Домой пришёл вовремя. Котлеты ещё не успели остыть.

В среду выпуск начался без меня: я вышел из проходной, когда первые машины уже направлялись к воротам.

Сазонов встретил у административного корпуса.

— По стройке звонят. Просят вас.

— Что случилось?

— Лучше сами.

Я поднялся в кабинет.

На проводе был начальник участка строительного комбината. Представился быстро, фамилию я записал, но разговор он начал раньше, чем я поставил точку.

— Павел Николаевич, у нас завтра монтаж. Пять бортовых к семи. Вы мне подтвердите, а то вчера звонил, ничего толком не сказали.

— Какой монтаж?

Он объяснил. Материалы надо было забрать с заводской площадки и доставить к согласованному времени. Кран, монтажники, график. Всё очень срочно.

— Заявка у вас на какое число?

— У вас она на какое число? Я её Кочетову лично приво-

зил.

Я открыл папку строительных заявок. На завтра стояли текущие перевозки, про эту поставку не было ничего.

— Когда привозили?

— В четверг. Он при мне Сазонову сказал. Десять дней машины под нас держать. Начинаем завтра.

Я посмотрел на Сазонова. Тот стоял возле двери и теребил край папки.

— Пять бортовых на десять дней? — переспросил я.

— Совершенно верно. Павел Николаевич, вы только мне сейчас не говорите, что машин нет. Николай Фомич обещал.

Я прижал трубку к плечу.

— Юрий Александрович. Закройте дверь, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.